

Старина про Ивана Горденовича

А во стольном во городе во Киеве,
А у ласкового князя да у Владимира
А заводилосе пирóванье-столóванье,
Заводился-то как тут нынь почестен пир
Про тех людей-купцей торговых же,
И про тех крестьянушек прожиточных,
И про тех поляниц приудалых.
Князь Владимир стольне-киевской по гриднюшке похаживат,
Собольной своей шубочкой размахиват,
Медныма подковками принащалкиват,
Злачаныма-то перстнями принабрякиват.
Тут на пиру же все ли напивалисе,
И все же наедалисе,
И на пиру все стали пьяны-веселы,
И все же на пиру да прирасхвастались:
Богатой-от хвастат золотой казной,
А сильной хвастат своей силою,
А наездник-от хвастат добрым конем,
А неразумной-от хвастат молодой сестрой,
А как глупой-от хвастат молодой женой.
Князь Владимир по гринюшке похаживает,
Собольной шубочкой размахивает,
Медныма подковками принащалкивает,
Злаченыма-то перстнями принабрякивает,
И увидел: за столом один молодец не пьет и не ест,
Он не пьет и не ест и не кушает,
Белой лебеди да молодец не рушает.
А увидел Владимир стольне-киевской:
«Уж ты что же, Иван Горденович, не пьешь, не ешь,
Ты не пьешь, не ешь, не кушаешь,
Даже белой-то лебедушки не рушаешь?» —
«Уж ты гой еси, Владимир стольне-киевской,
Ты позволь-ко-се, позволь мне слово сказать,
Слово сказать и скоро молвити.
Ты не быть-ка меня за слово скоро казнить,

Скорей казнить, скорей вешати.
У тя все же в городе споженены,
И красны девушки все взамуж выданы,
Я один-то у тя, молодец, холост хожу,
Холост хожу и неженат слыву!» —
«Уж ты ой еси, Иван да сын Горденович,
Я ведь тоже холост хожу и неженат слыву.
У нас есть в городе една девушка:
Из костки в костку мозг переливается,
Из лица в лицо румянец забегаётся,
А по имени Овдотья лебедь белая».
А Иван да сын Горденович
На это слово ему ответ держит:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
Мне-ка эта девушка не надобна.
Я поеду к королю да Вахромеевичу
За Федосьей лебедь белою».
А за столом тут сидят пристольники
И на это слово Ивану ответ держат:
«Не жена там тебе будет, а змея лютая!»
Ему это слово что-то за беду пало,
За велику пало за досадушку.
Ставал-то Иван из-за того стола из-за переднего,
Из-за переднего стола из-за стеклянного —
Питенья-то, единья прирасплекэлисе,
И пошел Иванушка из гридни вон.
И выходил-то Иван да на конюшен двор,
Выбирал-то себе коня доброго,
И подстегивал двенадцать подпружечек шелковых,
А тринадцатую-ту подпругу через конину чепь —
Не для ради красы, а ради крепости:
«Чтобы в чистом поле меня конь не оставил!»
И не видели у молодца поездочки —
А только видели, что Иван на коня скочил.
И видят еще: в чистом поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит,
А ископытъ — так люты печени.
Приезжает Иван да сын Горденович
К королю да Вахромеевичу.

Выходил король да Вахромеевич на красно крыльцо,
Выходил да с ним и поздоровалсе:
«Здравствуй-ко, здорово, Иван да сын Горденович,
Ты по-старому к нам приехал да по-прежнему —
У ворот-то стоять да приворотником,
А у дверей да стоять да придверником?»
А Иван-то сын Горденович
На это слово ему ответ держит:
«Не по-старому приехал я, не по-прежнему.
Я приехал о добром деле да о сватовстве,
Я приехал за Федосьей лебедь белую». —
«А она у меня да просватана
За поганого Издолища,
Сидит она у меня во горнице,
За тягами за железными,
И за замками сидит за крепкими,
У ворот-то все стоят приворотнички,
А у дверей-то все стоят придвернички.
Как можь ты ей взять — да как хошь с ей!»
Пошел Иван да сын Горденович
Ко Федосьи лебедь белой.
У ворот-то все стоят приворотнички,
А у дверей стоят придверники.
Он какой подхватит — рука прочь,
А какой и совсем убьет
(Который не пускал дак!)
И отпирал эти замки крепкие
И тяги железные,
И заходил к Федосье лебедь белой.
А Федосья сидит, вся оплакалась:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Горденович,
Куда же ты поехал, куда путь держишь?» —
«Я поехал за Федосьей лебедь белую,
За тобой да я поехал брать в замужество!» —
«А как хошь, я у папеньки просватана,
Просватана я за поганого Издолища!
Как можь, как хошь — я вся твоя!»
Он захватил ей за праву руку
И повел из грини вон.

Выходил король на красно крыльцо.
Говорит: «Иван Горденович, хоть бы чаю напилсе!» —
(Прежде чай-то дорог был, не то, что нонь.)
«На приезде гостя не употчивал —
А на поёзде гостя плохо потчивать!»
Садил Федосью на добра коня,
А потом сам заскакивал.
И не видел король у молодца поездочки,
Только видел: в чистом поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
Ехал Иван сын Горденович по чисту полю,
И что-то ему как приспотелосе,
И спать ему да захотелосе —
И раздернул шатер да белобархатной,
А давал коню пшеницы белояровой.
И спит Иван крепко-накрепко,
А Федосья у его сидит,
И слышит: топоток стоит, конь бежит за ней.
Федосья будит Ивана Горденовича,
И никак разбудить его не может,
Заплакала она горючьми слезми:
«Я-то бы я, уж моя голова — туда и поди,
Его-то голова пропадет да не за денежку!»
Капнула слеза на право лицо Ивану Горденовичу.
И пробудилсе Иван Горденович ото сну крепкого,
Собиралсе он скоро-наскоро,
И поехал Иван Горденович в силу встречу,
И Федосью с собою же взял.
Наехало силы очень много множество,
И вот бой открыли.
Он как конем-то подёрнет — цела улица,
Мечом-кладанцом — так цела просека,
Бросит копьем муромецким — так перевалами.
Перебил всю силу —
А котора обратно вернулась для вести к поганому-то Издолищу.
«А хоть сколько присылайте — все равно прибью!»
И вот опять поехал по чисту полю.
Наехало силы очень много множество,
И вот бой открыли.

Он как копьем-то подернет — цела улица,
Мечом-кладанцом — так цела просека,
Бросит копьем муромецким — так перевалами.
Перебил всю силу —
А котора обратно вернулась для вести к поганому-то Издолищу.
«А хоть сколько присылайте — все равно прибыю!»
И вот опять поехал по чисту полю.
Наехало силы очень много множество,
И вот бой открыли.
Он как копьем-то подернет — цела улица,
Мечом-кладанцом — так цела просека,
Бросит копьем муромецким — так перевалами.
Перебил всю силу —
А котора обратно вернулась для вести к поганому-то Издолищу.
«А хоть сколько присылайте — все равно прибыю!»
И вот опять поехал по чисту полю,
А потом Иван да сын Горденович увез домой на родину.

(Зап. Н. П. Колпаковой 24 июля 1958 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Семена Федоровича, 70 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.